

СТО ДВЕНАДЦАТАЯ ОСЕНЬ

Кто это решил, кто сказал, что памятные даты следует отмечать только в годы, кратные пяти? Истинным любителям музыки Чайковского ничуть не мешает и цифра 112 - столько лет прошло со дня его кончины. И в эти осенние дни внимание почитателей композитора - и в первую очередь, его земляков - опять было приковано к его клинскому Дому-музею. И опять оттуда, из приоткрытых окон доносились волнующие аккорды старого «Беккера», звучавшего под пальцами лучших музыкантов России. Такова здесь давняя традиция.

Давно уже город Клин не похож на тот, в котором поселился Петр Ильич Чайковский. В бытность композитора город был совсем небольшим - по словарю Брокгауза-Ефрона, к началу XIX века здесь было около 8000 жителей, из них дворян 132 семьи, 56 священнослужителей. Это были люди, которых все знали и по фамилиям, и в лицо. По роду своей службы знали их и местные «почтари». Таким же своим известным клинчанином очень быстро стал и осевший в этих краях с 1885 года П.И. Чайковский.

Еще в 30-х годах прошлого века был жив клинский почтовый работник Петр Андреевич Михеев, который прекрасно помнил барина из усадьбы напротив его дома. В советские времена Михеев сдавал москвичам комнату и очень любил рассказывать о Петре Ильиче и вообще о старине. Когда еще живы были те простые горожане и крестьяне из окрестных сел, которым запомнился поселившийся в этих местах Петр Ильич, Дом-музей композитора успел собрать много устных рассказов о нем. Но некоторые свидетельства, легенды, «байки», которыми всегда обставляли великие люди, так и не попали в музейные архивы. Из уст старичка Михеева его квартиранты слышали не один такой рассказ. Вот один из них.

«Петр Ильич часто заходил на почту отправлять письма. Он их так много писал, что мы удивлялись, когда только он успевал. Он, знаете, нам объяснял, что случается, пишет по десять писем в день, и простые, и заказные, и за границу. Больше рубля, бывало, тратил на одни марки. Но он с этим не считался. Ни в чем не скупился и не гордился, и людям помогал. Школу, может, слыхали, в Майданове детям поставил. Далеко им было оттуда ходить в город учиться. Приветливый был господин. Придет к нам в контору и каждому доброе слово скажет. Маленьких, простого звания, людей уважал. Доброй души был человек...».

Среди слушателей Петра Андреевича вполне мог быть и актер МХАТа Марк Прудкин, народный артист СССР, снимавший здесь комнату до переезда в Москву, а также живший здесь в 1932 году в очередь с Прудкиными отец автора этих строк. По его словам, рассказывать Михеев умел, особенно с помощью домашней наливочки. Некоторые его рассказы позднее удалось записать.

«Теперь уж у нас в Клину извозчи-

ков-то почти не осталось. А тогда при Петре Ильиче ямщики самый наш главный транспорт был. Ездили в Москву, в Тверь, Торжок, Волоцок, даже до Петербурга.

Вот какой случай раз с Петром Ильичем был. Долго потом у нас в городе вспоминали. Ехал он как-то из Москвы в Клин. На станции Подсолнечная вышел он прогуляться на платформу. Дело было весной. Знаете, какой живительный дух от молодой зелени? Станция большая. На ней всегда много извозчиков собиравается к поезду. Ну, известно, извозчики всегда охотятся на пассажиров, стараются их приманить.

- В Клин, барин, едете? - спрашивает Петра Ильича извозчик Кузьма.

- Да, в Клин.

- Садитесь, барин, довезу. Что поездом-то? Я быстро вас доставлю.

- Да, нет, я уж...

- Что нет. Что вам в духоте-то сидеть в вагоне. А погода - то? Денек-то какой, благодать. Поедем, барин. Право слово, довезу в момент», - видя нерешительность Петра Ильича, уговаривал Кузьма, все усиливая нажим.

- А в самом деле, вечер хороший, - заметил Петр Ильич.

А другие извозчики, чтобы поддержать товарища, стали тоже уговаривать Петра Ильича. И уговорили-таки его. Сел. Поехал.

Дорогою, известно, Петр Ильич, барин простой, спрашивает Кузьму про его жизнь. Женат ли? Да какая семья? Да какие барышни? Ну, а русский человек, сами знаете, всегда на свою жизнь жалится, и считает для себя зазорным сказать, что, слава Богу, всего понемногу хватает. Петр Ильич Кузьме сочувствует, а тот все больше старается его разжалобить и в голове держит, что, мол, барин, видать, добрый, на чай копейки двадцать подкинет, а то и весь полтинник.

Семья, говорит, большая, изба древняя, надо крышу сменить. А где деньги? Была лошадей тройка, а теперь одна кобылка осталась. Своего хозяйства нет. Овес купить надо. А к нему не приступиться.

Так они ехали и беседовали. Конечно, Петр Ильич расчувствовался. Стал он расплачиваться с Кузьмой, да и дает ему четвертной билет, то есть 25 рублей. А Кузьма ему говорит:

- Барин, у меня вам сдать нечем. Я только со двора выехал, с почи-

- Да и не надо сдачи. Бери себе все: это тебе на покупку мерина, - говорит Петр Ильич.

Кузьма, понимаете, обомлел. Даже дух у него захватило. Слова выговорить не может. И в самом деле: ему полагалось из самых щедрых рук получить три рубля за глаза. И то, это уж цена небывалая, несбыточная, за такой маршрут. До Волочка - триста верст - три рубля платили. Я на почте помощником начальника конторы, только через десять лет службы стал получать в месяц двадцать пять рублей, а тут вдруг Кузьме в руки целый капитал свалился. Он от радости ошалел совсем. Повалился перед Петром Ильичем на колени. Руки целовать хочет. А Петр Ильич кричит: «Не надо! Не надо! Чего ты!...» - и бежать от него в дом.

- Нет, вы слушайте дальше. Можно сказать, что Петр Ильич за свое мягкое сердце пострадал и покоя отчасти лишился. Спустя некоторое время едет он опять по железной дороге в Клин, и опять вышел подышать воздухом в Подсолнечной. И вдруг увидели его извозчики и бросились к нему. Окружили, галдят, зовут ехать: «Со мной, барин! Нет, со мной! На резвых, прикажите, барин». Отпихивали один другого, даже в драку, чтобы только увлечь Петра Ильича. А он, несчастный, всегда был такой тихий, стеснительный, не знает, как отделаться от нахалов. Насилу вырвался от них и вскочил в вагон. А ямщики еще долго галдели на площади, глядя вослед своему уходящему счастью.

Сэтого дня Петр Ильич, когда проезжал Подсолнечную, из вагона не выходил. И что же вы думаете? Нашлись такие смелые и отчаянные головорезы-извозчики - стали ходить по вагонам, искать Петра Ильича, и если находили, так были назойливы, что просто беда. И стал Петр Ильич, как подъезжать ему к Подсолнечной, прятаться от ямщиков в некоторое укромное местечко и запирается там. И если бы ямщики эти были и впрямь несчастные, взяли хотя бы и этого Кузьму. В то время ямщики были все народ крепкий, хозяйственный. Посмотрели бы вы, какие они себе хоромы строили в поселках, при станциях.

А знаете, Петр Ильич сам много смеялся над этим случаем - мне Алексей Иванович Софронов, его служащий, рассказывал...»

Старшее поколение жителей Клина берегло в своей памяти всякие воспоминания о Чайковском так же крепко, как и рассказ о полете Д.И. Менделеева на воздушном шаре с соборной площади Клина в 1887 году.

В те же годы бытовал еще рассказ Модеста Ильича Чайковского о том, как его знаменитый брат сочинил арию Мазепы. Рассказ полон живого юмора и заслуживает, чтобы его воспроизвести.

Чайковский написал оперу «Мазепа». Ее стали готовить в Большом театре. На репетициях присутствует композитор и замечает, что Мазепа-Корсов ходит хмурый и чем-то недовольный. Он спрашивает об этом Корсова, и тот ему прямо говорит, что у него в опере нет арии, что ему, известному артисту, в опере нечего петь. Корсов без арии -

стыд и позор! Петр Ильич признал, что допустил обидную ошибку и обещал написать арию. Корсов повеселел.

Время идет. Корсов терпеливо ждет обещанную арию. Вот уже скоро генеральная репетиция, а еще арии нет. Корсов напоминает об этом Петру Ильичу. Тот уверяет, что не забыл, что ария будет в срок написана, и просит подождать еще... и опять ничего. Корсов нервничает, злится, пристает к Петру Ильичу. Наконец, Чайковский обещает завтра же принести арию на репетицию. «Нет, уж простите, Петр Ильич, я к вам утречком до репетиции сам зайду за арией», - говорит Корсов.

- Заходите, пожалуйста, буду рад, - отвечает композитор. Но только в этот день арию он не написал, а вечер где-то прогулял, и опять совсем забыл про свое обещание Корсову. Но тот не забыл, и рано утром отправился к Чайковскому. Петр Ильич увидел его в окно и забеспокоился. Что делать? Бежать нельзя - лестница одна. Спрятаться негде - квартира небольшая. Разве только... И с отчаяния Петр Ильич залезает в шкаф и - притаился там.

Корсов вошел. Узнал, что Чайковского нет, очень рассердился. «Ну, что ж, хорошо, я его подожду», - и сел в кресло в комнате, где в шкафу спрятался Петр Ильич. Софронов, слуга Чайковского, видит, что положение создалось драматическое, а не комическое, докладывает Корсову, что Петр Ильич домой заходить не будет и прямо пойдет в театр на репетицию. Уходя, Корсов просит передать Петру Ильичу, что он не мальчик, чтобы над ним так издеваться.

Очень сконфуженный великий композитор вылезает из шкафа. Софронов ему внушает, что так делать не годится. Если обещал написать, пиши.

- Я бы рад хоть сейчас, - говорит Петр Ильич, - да в 11 репетиция, а сейчас уже 10 часов.

- Ничего, вас ждут, - уговаривает Софронов.

И вот Петр Ильич, проклиная все на свете, и в первую очередь себя, что обещал Корсову арию, садится к столу и... к 11 часам ария Мазепы была написана.

«Вот вам обещанная ария, Богомир Богомирович», - протянул Чайковский ноты Корсову, придя в театр. «Вы, надеюсь, ко мне не заходили?» «Заходил, Петр Ильич, заходил, и очень ругался, что вас не было дома». «Напрасно беспокоились. Я же вам обещал, что принесу сегодня арию...».

Давно не осталось тех людей, ко-

торые могли встречать Чайковского на улицах, в церквях, в лавках-магазинах и что-то о нем помнить. Мало осталось и тех деревянных и каменных аккуратных домиков, которыми подмосковный город Клин и был в основном застроен. Постепенно теряет город последние следы пребывания в нем «составителя всероссийской музыки», как называл Петра Ильича кучер, везший как-то композитора А.Глазунова в Дом-музей Чайковского.

Вот совсем недавно снесен еще один дом - крохотный отблеск памяти о тех временах. Впрочем, дом этот свое отслужил и ценности никакой не представлял, но этот простой бревенчатый пятистенок на берегу реки Сестры, на Ворошилинской улице, собран был из остатков сгоревшего в 30-е годы дома слуги Чайковского Алексея Софронова. Дефицит на стройматериалы был тогда велик, и с разрешения местных властей из уцелевших после пожара бревен сын здешнего протоиерея, бывший мировой судья, а после 17-го года учитель начальных классов Иван Павлович Воскресенский, построил тогда дом для своей семьи - жены и восьмерых детей. Случайно или нет, но в этой семье царил «культ» Чайковского, почти все неплохо играли на рояле и на других музыкальных инструментах. Хозяин дома очень оживлялся, вспоминая, как они с братом Николаем, еще подростками, бродя по окрестным полям, часто встречали седого господина, который всегда одаривал ватагу мальчишек конфетами. Внуки Воскресенских и сейчас еще шутят, что в их жилах течет «сок конфет» Петра Ильича Чайковского. Вот ведь тоже - семейное предание!

Сам же протоиерей Клинского Троицкого собора Павел Воскресенский около тридцати лет священствовал в Клину, и Чайковский, любивший заходить в собор послушать церковный хор и знавший всех священников города, наверняка встречался с ним, в том числе и по делам открытой им школы в Майданове. Батюшка был заметной фигурой в Клину. Сохранившиеся у его родных письма и открытки поражают лаконичностью его адреса: «Клин, Моск. губ., Его Высокоблагословению священнику Воскресенскому». А то и просто: «Клин, Воскресенским». Вот так - «на деревню дедушке». И письма не пропадали. Дом с мезонином в самом центре Клина стоял здесь и при Чайковском, но был снесен сразу после последней войны. О хозяине его стоило бы тоже рассказать, но это уже в другой раз.

Андрей РИМСКИЙ-КОРСАКОВ.

Клин в начале XX века.